
А. Н. МЕДВЕДЬ

ВРЕМЯ И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ НА РУСИ В XV ВЕКЕ

В статье рассматриваются особенности восприятия времени в русских землях XV века. Отмечается, что в повседневной жизни общества больше внимания уделялось подсчету длительных временных промежутков (дни, недели, месяцы), менее продолжительные временные промежутки (часы, минуты) считались реже. Обсуждается значение первых механических часов. На примерах установки механических часов в отдельных городах показано, что часы в этот период рассматривались лишь как диковинные вещи, не имевшие практического значения в повседневной жизни общества.

Ключевые слова: Древняя Русь, время, механические часы, ятроматематика, городской быт, календарь, Афанасий Никитин.

Время – одно из ключевых понятий, характеризующих картину мира любого общества. Отношение ко времени – важный элемент исторической психологии. Сразу оговоримся – нас будет интересовать восприятие времени не столько книжниками, сколько людьми, относящимися к средним слоям общества. Задача довольно сложная, так как в источниках указания на подобные факты весьма редки.

Мы ограничили исследование XV веком, когда время в быту все более сопрягалось с сеткой церковных праздников. Кроме того, это период ожидания конца света. И тогда же в русских землях появились первые часы, которые устанавливались в монастырях или на колокольнях новгородских и псковских земель. Казалось бы, вывод о том, что на Руси довольно рано проявился интерес к точному времени и механическим устройствам, фиксирующим его, напрашивается сам собой. Однако при более глубоком рассмотрении оказывается, что *часы* и *время* друг с другом связаны очень слабо. Этот парадокс имеет глубокие корни, кроющиеся в средневековой культуре.

Первое упоминание об установке механических часов в русских землях, а точнее – в Москве, относится к 1404 году. Их автором был монах Лазарь Сербин. Традиционно с этими часами связывается начало часового дела на Руси, а сам факт их установки

трактуются как первая попытка русских людей точно считать время. Есть и более экзотические гипотезы. Так, по мнению Р. А. Симонова (2008), установка часов в Москве на дворе великого князя Василия Дмитриевича свидетельствует о начале хрономантической эры. Сами же часы предназначались не для расчета времени, а прежде всего для выявления добрых и злых часов, т. е. для хрономантии.

Симонов высказывает предположение, что на этих часах находились «планеты и знаки», которые указывали «качество» часа. Действительно, в московском летописном своде конца XV века уточняется, что эти часы были «с Луною» (Московский... 2004: 233). Упоминание Луны неудивительно – ведь часы предназначались для подсчета времени, которое тогда в самом общем виде делилось на ночное и дневное, и изображение Луны могло символизировать ночное время. Другие исследователи также обратили внимание на упоминание о Луне. Например, А. В. Арциховский, ссылаясь на сочинение английского историка Ф. Бриттена (Britten 1911), предположил, что часы 1404 года могли (как и ряд других часов этого периода) показывать фазы Луны (Арциховский 2004: 128). Более того, Луна, Солнце и звезды видны и на гораздо более позднем рисунке барона Мейерберга (вторая половина XVII века), где автор изобразил циферблат часов Спасской башни Московского Кремля. Означает ли это, что часы на Спасской башне в XVII веке предназначались для проведения хрономантических исследований? Вряд ли.

Но если Луна, скорее всего, действительно была изображена на циферблате, то с «планетами и знаками» ситуация непонятная. Прежде всего никаких древнерусских свидетельств о наличии на часах 1404 года других планет (Сатурна, Марса, Венеры и пр.) кроме Луны нет. Приведем знаменитый отрывок с описанием часов: «В лето 6912, индикта 12. Князь Великий замыслил часник и поставил его на своем дворе за церковью за Св. Благовещеньем. Сей часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол размеря и рассчитывая часы ночные и дневные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно, страннолепно сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтанно и преухещренно. Мастер же и художник сему бяше некоторый чернец, иже от Святыя горы пришеший, родом Сербин, именем Лазарь. Цена же сему бяше вящше полутора ста рублев» (Русские... 1997: 378). Подчеркнем, что это наиболее полное описание часов, другие летописные описания гораздо лаконичнее, и в них вообще отсутствуют такие подробности.

Откуда Симонов получил сведения о том, что на этих часах действительно находились «планеты и знаки»? Оказывается, из сообщения, которое относится к середине XVI века и связано с именем совсем другого русского правителя – Ивана IV. Говоря о миниатюре из Лицевого летописного свода, где были изображены часы 1404 года, Симонов замечает: «Что именно могло исчезнуть из миниатюры за давностью лет и запретительных мер царя, показывает случай, связанный с поднесением в 1559 г. Ивану Грозному датским посланником часов, которые он отверг по той причине, что ему “как христианскому царю, нечего делать с планетами и знаками”» (Симонов 2009: 40). Согласно логике автора, отказ царя от подарка короля Дании – часов с астрологической символикой – свидетельствует о том, что на часах 1404 года могла изображаться такая же символика. Прямо скажем, вывод более чем странный – почему для предположения о наличии этой символики на *московских часах начала XV века* привлекаются *датские часы середины XVI века*? Тем не менее Симонов принимает эту гипотезу за рабочую и далее пользуется ею как вполне доказанной.

Недоумение вызывает еще один момент – в качестве косвенного доказательства гипотезы о наличии планет на часах Симонов ссылается на книгу В. К. Пипунырова и Б. М. Чернягина (1977), где авторы, говоря о часах 1404 года, предполагают наличие у них планетарного механизма. Именно слово «планетарный» выделил Симонов в своей работе (Симонов 2009: 40), видимо, посчитав его лишним доказательством гипотезы о наличии на часах изображений планет. Однако «планетарный механизм» имеет собственно к планетам самое отдаленное отношение. Скорее всего, авторы книги подразумевали систему колес, вращавшихся вокруг центральной шестерни, т. е. чисто механическую схему. С таким же успехом хрономантическим прибором можно посчитать и велосипед, где также имеется *планетарная* втулка.

Итак, гипотеза Симонова базируется на шатких основаниях. Не менее натянутыми выглядят и традиционные идеи о начале подсчета кратких временных промежутков в русских землях именно с XV века.

Гораздо привлекательнее выглядит мысль о том, что установка часов Сербина была единичным актом, направленным на подчеркивание исключительности великокняжеской власти. Предназначались эти часы для подсчета «нормального» времени или времени «астрологического» – это в нашем случае не так важно. Важно то,

что летописцем они воспринимались лишь как дорогая диковинка, поражающая воображение (из описания даже не совсем понятно, что более поразило летописца – сами часы как продукт человеческой мысли или их довольно большая стоимость). Кроме того, часы предназначались исключительно для великого князя, а уж никак не для города Москвы.

Кстати, очень похоже отзывались русские люди и о других часах – в итальянской Ферраре. Русский участник посольства в Италию на Флорентийский собор в 1439 году отметил: «...В том же городе Ферраре на дворе папы, над рынком, воздвигнута каменная башня, высокая и большая. И на той башне устроены часы с большим колоколом; и когда он ударит – слышно на весь город... и как настанет час и ударит колокол, выходит из башни на крыльцо ангел, видом как живой, и трубит в трубу, и входит через другие дверцы в башню; и все люди видят ангела и трубу и звук ее слышат; и так каждый час входит ангел в башню с большим колоколом и ударяет в колокол...» (Библиотека... 1999: 475).

Часы здесь воспринимались скорее на эмоциональном уровне, как удивительная редкость.

Возвращаясь к московским часам, заметим, что ни Лазарь Сербин, ни его ученики более в источниках не упоминаются. Это позволяет предположить, что часы на великокняжеском дворе не стали в XV веке первой ласточкой, сделавшей «весну» часового дела, а явились, скорее, «гадким утенком». Почему?

В средних древнерусских городах XV века с их укладом жизни, близким к сельскому, и относительно небольшими размерами не было необходимости в регламентации городской жизни посредством установки часов – чтобы призвать на церковную службу или оповестить о вече, вполне годился старый добрый колокол на соборной колокольне или звоннице. Отсутствие развитой системы государственного управления с чиновничьим аппаратом делало ненужным четкий распорядок дня и в крупных городах. При отсутствии жестко структурированного цехового производства не нужно было и «производственное» время.

Чем сложнее общество, тем большее значение имеет время и тем сложнее структура времени и отношение к нему. Жизнь русского общества до XVI века, видимо, была не столь уж сложна, иначе в письменных источниках времени уделялось бы большее внимание.

Усложнение общества постепенно приводило к усложнению отношения ко времени. Сначала это выразилось в сугубо показательных акциях: установках часов во второй половине XV века в независимых русских землях – Новгороде и Пскове. Места, где размещались часы, как правило, однотипны – это монастыри и церкви.

Так, в 1436 году в Новгороде «... архиепископ Еуфимии опять сверши святого Иоанна Златоустаго въ другии ряд и часы надъ полатою наряди звонящии» (Полное... 1950: 418). В 1476 году во время пребывания в Пскове новгородский архиепископ Феофил «часы повеле своим мастером самозвонныа поставити на Снетогорском дворе, а тыа часы преже сего сам же владыка своим боярином Овтоманом в дом живоначальныа Троица прислал, и они такы стояли просто и до него» (Псковские... 1945: 207).

Но и здесь все не так просто. В первом случае установка часов проводилась в ряду других работ по воссозданию (или реставрации) церкви Иоанна Златоуста и как бы венчала эти работы. Часы располагались не для всеобщего обозрения новгородцев, но на владычном дворе (как и в Москве 1404 года). Второй случай более интересен.

Дело в том, что часы, поставленные архиепископом Феофилом в 1476 году, были изготовлены раньше 1476 года и привезены во Псков новгородским епископом Ионой (возможно, в 1470 году), но в силу разногласий между псковичами и новгородской епархией не были поставлены на Троицкий собор, куда первоначально предназначались. Часы, привезенные Ионой, являлись, если так можно сказать, «взяткой» псковичам от новгородского епископа за то, что псковичи откажутся от собственного церковного управления и вернуться под длань новгородского епископа. Однако Иона совершил тактическую ошибку, чуть позже приняв посольство от новгородских вдовых попов и утвердив положение о том, что они могут вторично жениться. Псковичи, видимо, не смогли войти в положение вдовцов и обиделись на Иону. Новгородский епископ потерял их доверие, а его подарок, предназначавшийся для главного псковского Троицкого собора, был «сослан» в загородный Снетогорский монастырь, где пылился и ржавел почти шесть лет, пока новый новгородский владыка Феофил не повелел поставить часы в том же Снетогорском монастыре. В этой истории часы играют второстепенную роль, однако очень хорошо видно отношение к механической диковинке (и к подсчету точного времени!) со стороны псков-

ского общества – городскому населению часы были не нужны. В противном случае псковичи поставили бы их на центральном соборе города, невзирая на отношение к дарителю – митрополиту Ионе. Снетогорский монастырь, конечно, был весьма уважаем и известен, однако следует признать, что установка здесь столь дорогого механизма была скорее попыткой сохранить хорошую мину при плохой игре и не дать пропасть дорогому подарку.

Итак, говорить о стремлении церкви к монополизации времени мирян можно лишь отчасти. Если такое стремление и было, то установка часов здесь также не имела серьезного значения – псковскому обществу первой половины XV века часы были не нужны.

Установка часов в монастырях и на церквях северных русских территорий свидетельствует об одном: регламентация коснулась в основном только церковной жизни, где жизнь по расписанию и так была обычным делом. Сегодня у нас недостаточно сведений о распорядке повседневной жизни в русских городах. Правда, Амброджо Контарини мельком заметил, что распорядок жизни московских горожан не отличается разнообразием: «...Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу...» (Барбаро... 1971: 229). Это описание при всей неполноте и тенденциозности тем не менее показывает основное: в городском русском обществе второй половины XV века суточный скрупулезный (до минут включительно) подсчет времени был неактуален. По-прежнему для обыденной жизни был более важен подсчет длительных временных отрезков, а не часов или минут.

Вместе с тем в XV веке несколько большее значение приобрел древнерусский календарь, основанный на церковных праздниках. Он использовался и при ведении сельского хозяйства, а кроме того, отчасти регламентировал духовную жизнь русского человека. Этот календарь, судя по всему, в XV веке воспринимался уже довольно органично и вполне слился с русской повседневностью. Выпадение из временного континуума было, видимо, тяжелым ударом для русского человека. Это хорошо видно по запискам самого известного русского, потерявшегося во времени, – Афанасия Никитина. Его не так беспокоит потерянности в пространстве (езде есть люди и везде найдутся готовые помочь), как отрыв от православного времени: «А когда Пасха, праздник воскресения Христова, не знаю; по приметам гадаю – наступает Пасха раньше бесерменского бай-

рама на девять или десять дней. А со мной нет ничего, ни одной книги; книги взял с собой на Руси, да когда меня пограбили, пропали книги, и не соблюсти мне обрядов веры христианской. Праздников христианских – ни Пасхи, ни Рождества Христова – не соблюдаю, по средам и пятницам не пошусь» (Хождение... 1986: 50).

Время у Афанасия Никитина равно вере. Потеря же возможности отследить христианское время сродни потере веры. Утрачен «компас» – книги-пасхалии, утрачен временной вектор, сломана система сдержек (постов), человек предоставлен сам себе, он вне жесткой сетки церковных праздников и, как в глубокой древности, вынужден пытаться считать время по Большой Медведице и Плеядам. На этом примере очень четко видно, как смена такой обыденной категории, как время, приводит к кризису в сознании отдельной личности.

Вышеизложенное позволяет полагать, что точный подсчет времени (до часов и минут) в жизни древнерусских обывателей XV века был не столь важен, как для книжников. Отчасти этим можно объяснить и медленное распространение механических часов в русских землях.

Литература

Арциховский, А. В. 2004. *Древнерусские миниатюры как исторический источник*. Томск; М.: Водолей Publishers.

Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971.

Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. СПб.: Наука, 1999.

Московский летописный свод конца XV в. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Пируньков, В. К., Чернягин, Б. М. 1977. *Развитие хронометрии в России*. М.: Наука.

Полное собрание русских летописей. Т. 3. *Новгородская I летопись*. М.; Л.: Наука, 1950.

Псковские летописи. Вып. 2. М.; Л.: Наука, 1945.

Русские летописи. Т. 1. Рязань: Узорочье, 1997.

Симонов, Р. А. 2008. О возникновении русской ятронауки в начале XV в. – на столетие раньше, чем считалось. *Вопросы истории естествознания и техники* 2: 38–65.

Хожение за три моря Афанасия Никитина / под ред Я. С. Лурье. Л.: Наука, 1986.

Britten, F. J. 1911. *Old Clocks and Watches and Their Makers*. London: V. T. Batsford.